

СОДЕРЖАНИЕ

Об истинной молитве
и настоящем богословии.
Вместо предисловия
Иерей Александр Гумеров..... **VI**

Предисловие..... **03**

ВВЕДЕНИЕ. О ЗАДАЧЕ И МЕТОДЕ
ЛИТУРГИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ..... **09**

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПРОБЛЕМА УСТАВА **41**

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ
УСТАВА..... **61**

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ УСТАВА **117**

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ВИЗАНТИЙСКИЙ СИНТЕЗ **198**

ОБ ИСТИННОЙ МОЛИТВЕ И НАСТОЯЩЕМ БОГОСЛОВИИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*«Если ты богослов, то будешь
молиться истинно, а если истинно
молишься, то ты — богослов».*

Авва Евагрий

На мой взгляд, сложно более надежно спрятать по-настоящему важную книгу, способную вдохнуть оживляющий смысл в привычную рутину церковной жизни, чем напечатать на ее обложке заголовок «Введение в литургическое богословие». Но такова судьба работы протопресвитера Александра Шмемана, которую вы держите. Название этой книги звучит ничуть не интригующе, оно как бы внушает читателю мысль, что перед ним учебник по некой узкоспециальной дисциплине. Ведь богословие нередко мыслится чем-то отвлеченным и факультативным для реальной, «практической» духовной жизни. Богословие считается уделом «продвинутых» интеллектуалов, способных разобраться в теологических тонкостях и нюансах. Нередко нынешний христианин считает для себя обязательным молиться, соблюдать посты, посещать храм, участвовать в церковных Таинствах, совершать добрые дела, но отнюдь не интересоваться богословием.

Может показаться, что прилагательное «литургическое» многим видится более важным и имеющим

практическое значение для христианской жизни, чем слово «богословие». Ведь словом «Литургия» называется главное церковное богослужение — Евхаристия, на котором происходит причастие Святых Христовых Таин, и тот, кто стремится сознательно строить свою жизнь в Церкви, обязательно будет участвовать в Литургии. Само греческое слово *leitourgia* на русский язык переводится как «общее дело», «общественное служение», и литургика, в свою очередь, изучает не только Божественную Евхаристию, но и иные Таинства, а также любое богослужение, которое совершается для всех членов Церкви или ради нужды отдельных людей.

Но при чем же здесь богословие? Почему тема литургического богословия оказывается настолько содержательной, что только введению в него посвящена многостраничная книга? Можно сказать, что в основе работы отца Александра лежит утверждение: «Правило молитвы — это правило веры». Или, как это высказывание многократно на страницах своей книги повторяет по-латыни сам отец Александр, «*lex orandi est lex credendi*». Этот афоризм созвучен утверждению, вынесенному в эпиграф этого предисловия. Его повторяют многие подвижники, и оно устанавливает связь между молитвой и богословием: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты — богослов». Так эту мысль формулирует один из древних аскетических авторов «Добротолюбия» авва Евагрий¹. Это значит, что начала познания богословия прямо проистекают

1 Авва Евагрий Понтийский. Главы о молитве, 61.

из истинности твоей молитвы. Но нельзя ли из этого высказывания извлечь и печальный для многих обратный вывод, что коль скоро богословие нас нисколько не волнует, то и молитва наша «неистинна», не та, которую завещали нам святые отцы?

Наша вера — это не отвлеченное знание «о Боге». Это прежде всего опыт наших отношений с Богом, опыт нашего общения с Ним, опыт, хоть и малейшей, сопричастности Ему. Общение это находит свое выражение в молитве — в частности, в той самой, которой научил Своих учеников Сам Господь Иисус Христос. В ответ на просьбу апостолов: «Господи! научи нас молиться», Господь дал им известный ныне нам всем текст: «Отче наш, сущий на небесах!» (Лк. 11:1–2). Этими молитвенными словами мы, христиане, со дерзновением смеем обращаться к Небесному Богу как к своему Отцу. И это восприятие Бога как своего Отца есть краеугольный камень нашего богопознания и богословия. Молитва Господня является образцом и духовным мерилom как нашего личного молитвенного обращения к Богу, так и общего богослужения, возносимого всей церковной общиной. Кроме того, христианин имеет заповедь любить Бога. Именно эту заповедь наш Господь называл главной в Законе: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь!» (Мк. 12:30). Нам радостно общаться с тем, кого мы любим, нам хочется узнать его лучше и теснее. Богослужение же именно выражает хранимый Церковью опыт общения с Богом и знания Его. Как этим опытом можно пренебрегать? Можно ли участвовать

в богослужении Церкви и не погружаться в богословие, которое это богослужение выражает?

Таким образом, литургическое богословие как опыт познания Бога через молитву Церкви и попытка сформулировать этот опыт на основании богослужебных текстов — не отвлеченное мудрствование, а то, что составляет самую сердцевину жизни христианина. И словосочетание «литургическое богословие» постепенно становится для нас совершенно привычным. Этот предмет преподается во многих духовных школах, о нем рассуждают люди разной степени воцерковленности. Мы понимаем, что Литургия не просто освящающее нас таинство, но реальность, несущая в себе глубочайший богословский смысл. И то, что нам очевидно это сейчас, — во многом заслуга протопресвитера Александра Шмемана. По крайней мере, русскоязычный читатель узнал о предмете «литургическое богословие», да и сам этот термин, в значительной степени благодаря трудам отца Александра. Как замечал великий современный литургист священник Роберт Тафт: «В наши дни практически невозможно услышать лекцию о Литургии или о современной жизни без единой цитаты из Шмемана. Ему действительно нет равных в этом отношении»².

Литургика как наука многие годы была лишь прикладной дисциплиной, изучающей то, как именно применяется на практике богослужебный устав. Иногда курс литургии предварялся кратким

2 Священник Роберт Тафт: Ты являешься частью проблемы или частью решения? Интервью с диаконом Андреем Псаревым // <https://bogoslov.ru/article/3590491> (дата обращения 31.05.2021).

богословским и историческим экскурсом, но в самую ткань предмета такой подход не входил. Отец Александр считал, что подобное разделяющее веру и молитву отношение является тяжелым наследием западного влияния на православное богословие. Проблема в том, что такой взгляд на богослужение и церковные таинства, характерный для прежних духовных школ, не определял приходскую церковную практику, а напротив, сам следовал из нее. Богослужение стало для многих прихожан просто неким сакральным пространством, совершенно параллельным, не имеющим ни малейших точек пересечения с повседневной жизнью. Разумеется, на католическом Западе, где богослужение в то время велось исключительно на непонятной народу латыни, эта проблема стояла особенно остро. В итоге в попытке преодолеть это разделение еще начиная с XIX века на Западе набирает силу литургическое движение, ставившее своей целью вовлечение церковного народа в более активное и сознательное участие в богослужении. Знакомство с западным литургическим движением и творческое осмысление его идей очевидно в работах православных богословов русской эмиграции протопресвитера Николая Афанасьева и архимандрита Киприана (Керна), ставших первопроходцами новой русской литургической науки. Так, учитель отца Александра, друг и старший коллега архим. Киприан (Керн), с 1936 г. — доцент Свято-Сергиевского института по кафедре литургики, в 1953 году организовал в Париже первый литургический съезд, собравший представителей этой науки из разных деноминаций, который впоследствии стал ежегодным. Важно

отметить, что публикацию своего «Введения...» отец Александр посвящает памяти своего учителя (скончавшегося в 1960 году).

Однако зависимость отца Александра (как и его учителей) от западного литургического движения не следует абсолютизировать. В собственном подходе к богослужению и Таинствам он следовал традиции древних отцов Церкви, в частности святителя Кирилла Иерусалимского, автора известных катехизических и тайноводственных слов, в которых раскрывается подлинная духовная реальность, стоящая за главными христианскими Таинствами Крещения и Евхаристии. В XVIII–XIX вв. защитой святоотеческого предания в литургической практике Православной Церкви занималось афонское движение колливадов. Участники этого движения преподобный Никодим Святогорец и святитель Макарий Коринфский являются авторами «Книги душеполезнейшей о непрестанном причащении Святых Христовых Таин», в которой энергично проповедуется желательность частого причащения.

Книга, которую вы держите в руках, создана автором на основе докторской диссертации, которую он защитил в 1959 году в Свято-Сергиевском православном богословском институте. На защите оппонентами выступали младший друг и впоследствии многолетний коллега отца Александра священник Иоанн Мейендорф и уже упоминавшийся здесь протопресвитер Николай Афанасьев. Отец Александр Шеман писал: «Их существенное согласие со мной, при расхождениях в ряде частных вопросов, имело для меня исключительно важное и радостное значение».

И действительно, при всей ощутимой разнице в деталях научных подходов все эти церковные мыслители были едины в главном своем внутреннем устремлении — преодолеть разделения церковной жизни, возродить заповеданную христианами первых веков связь между верой и молитвой.

Чтобы понять, какое значение божественная служба и литургическое богословие имели для отца Александра, нужно сказать несколько слов о его жизни. Нет смысла пересказывать факты его биографии — их без труда можно найти в Сети. Там же можно найти и многочисленные воспоминания о нем людей, знавших его и общавшихся с ним, а также удивительно искренние и глубокие личные дневники, которые он вел с начала 1973-го до самой своей кончины в 1983 году. Приведем здесь те сведения, которые раскрывают отца Александра как автора «Введения в литургическое богословие» и создателя этого предмета.

В 1921 году в Ревеле мать будущего протопресвитера родила двойню — мальчиков-близнецов Андрея и Александра. Как рассказывал об их детстве брат Андрей, «Ревель в свое время был частью Российской Империи, так что с детства я рос в русской среде, воспитывался в духе русской культуры и Православия. В эмиграции жизнь у всех складывается по-разному, но мои родители никогда не теряли корней, духовной связи с Родиной. Они всегда оставались истинно русскими людьми и верили в возвращение». В 1929 году семья Шмеманов перебирается жить в Париж, однако французского гражданства они не принимают. Оба брата с девяти лет были отданы в Русский кадетский корпус-лицей имени императора Николая II

в Версале. О детстве Александра Шмемана я упоминаю потому, что именно в нем автор «Введения в литургическое богословие» видел истоки своего интереса к установлению связи между богослужением и духовной жизнью. Отец Александр писал: «Для русского эмигрантского мальчика, много лет назад с одинаковым усердием бегавшего во французский лицей и в православную церковь и на всю жизнь плененного этим таинственно-прекрасным миром богослужения, разлад двух этих жизней — литургической и реальной — был не предметом отвлеченных спекуляций, а самой что ни на есть живой действительностью, ежедневным, привычным опытом»³.

Однако, получая образование в богословском институте в Париже, Александр Шмеман выбрал своей специализацией историю Церкви. Священный сан отец Александр принимает в послевоенном 1946 году. В последующие годы он преподавал в Свято-Сергиевском институте и служил в храме святых равноапостольных Константина и Елены недалеко от Парижа (вместе со своим учителем отцом Киприаном (Керном)). Спустя пять лет отец Александр переезжает в Америку и становится доцентом по кафедре церковной истории и литургики Свято-Владимирской православной духовной семинарии. Главным же содержанием научного поиска и источником духовной жизни до самой смерти остается для него Литургия, которую отец Александр называл «Таинством Царства». Диссертация на звание доктора богословия «Введение в литургическое богословие» была

3 См. с. 7 наст. изд.

Протоиерей АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

**ВВЕДЕНИЕ В
ЛИТУРГИЧЕСКОЕ
БОГОСЛОВИЕ**

И не отступил еси вся творя дондеже
нас на небо возвел еси, и царство Твое
даровал еси будущее...

(Литургия св. Иоанна Златоуста).

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris (5-me)

← Титул первого издания «Введения в литургическое богословие», Париж, 1961.

защищена им в Свято-Сергиевском богословском институте в 1959 году, а в 1961 году издается в Париже отдельной книгой. В Свято-Владимирской семинарии отец Александр читает свой главный авторский курс «Литургическое богословие». О Литургии и богослужении в целом он пишет и другие книги, более популярного характера: «Водою и Духом», «Великий Пост», лекции и беседы, впоследствии ставшие сборниками «Литургия и жизнь», «Литургия смерти» и др. В последние месяцы своей жизни, будучи безнадежно и тяжело больным, отец Александр дописывал главную книгу своей жизни, «Евхаристию», моля Бога, чтобы Тот дал ему завершить работу над ней до смерти⁴. Умер протопресвитер Александр 13 декабря 1983 года от неоперабельного рака легких, ему было 62 года.

По рассказам людей, присутствовавших при этом, сама кончина священнослужителя и богослова происходила как Таинство. «За несколько часов до смерти ректора академии все наше духовенство собралось у его одра, чтобы отслужить последнее соборование (несколько соборований уже проводилось). Отец Александр пребывал в беспомощности. Но вдруг, когда прозвучало заключительное слово службы — „Аминь“, он открыл глаза и произнес: „Аминь, аминь, аминь!“ Эти слова оказались последними, больше в себя он уже не приходил. Так евхаристическая жизнь отца Александра завершилась евхаристической смертью. Ведь это самое троекратное „Аминь“ по окончании евхаристического канона произносит

4 Книга «Евхаристия: Таинство Царства» вышла в 1984 году в Париже.

вместе все духовенство, а раньше произносила и вся церковь»⁵.

Общий объем литературного наследия отца Александра достаточно скромнен для фигуры такого масштаба и такого влияния на церковную мысль. Значительную часть его составляют статьи на трех языках, которыми свободно владел отец Александр: на родном русском, а также французском и английском. Отдельных же книг очень немного. Притом резонанс его творчество имеет огромный. Протопресвитера Александра Шмемана многие считают своим настоящим учителем, чьи книги открыли глаза на удивительное богатство настоящего Православия, единого в богословии и богопочитании. Есть — и вероятно, всегда будут — люди, у которых творения отца Александра вызывает категорическое неприятие и даже раздражение новизной подходов, свежестью мысли и благодарной открытостью окружающему миру. В любом случае, личность и наследие отца Александра никого не могут оставить равнодушным и всегда будят живую мысль, заставляют обратиться в размышлении к истокам христианской веры.

Бессмысленно делать вид, что «Введение в литургическое богословие» — легкое чтение, которое непринужденно осилит любой неподготовленный читатель. Это, разумеется, не так. Сам материал книги достаточно сложен — еще бы, ведь это докторская диссертация! Но он блестяще структурирован, и все выводы изложены стройно, четко и аргументированно.

5 Дворкин А.Л. Отец Александр Шмеман: воспоминания студента о ректоре // Альфа и Омега. № 2 (46). М., 2006. С. 205–206.

Отдельного уважительного упоминания заслуживает язык этой книги. Это язык человека высокой культуры и образованности, но совершенно чуждого всему тому, что привнес в русский язык советский двадцатый век. Возможно, и язык этой книги может послужить дополнительной преградой между современным читателем и богатством мысли, в этой книге заложенным. Чего у этой книги, впрочем, не отнять — так это актуальности: не только в той части, где автор излагает некие непреходящие смыслы, но и там, где он касается злободневной церковной действительности.

Говоря о недостаточности символических толкований богослужения, подменяющих порой реальное переживание происходящего в Церкви, отец Александр пишет: «В грохоте и шуме технологических революций, в мире, похожем одновременно и на сумасшедший дом, и на леса какого-то непонятного, грандиозного здания, общий план которого никому не понятен и которое все же строится, старые и привычные символы перестали доходить до человеческого ума, сознания, совести. Или, вернее, они стали только символами, лишились способности быть носителями силы, преображающей „реальность“ и как бы естественно, непреодолимо, победоносно подчиняющей ее — эту реальность — Царству Божьему, всеобъемлющей цели, провозглашаемой Евангелием»⁶.

Это Царство Божие, способное не только подчинить, но и преобразить нашу реальность, провозглашается Евангелием, но наше православное богослужение развивает и доносит его до каждого из нас.

6 См. с. 5 наст. изд.

Эпиграфом к своей работе отец Александр выбрал вдохновенные слова из Литургии святителя Иоанна Златоуста. В момент освящения Святых Даров на Литургии священник вспоминает, как Бог привел нас из небытия в бытие, а после нашего отпадения поднял нас вновь. Обращаясь к Создателю, священник говорит: Ты «не отступил еси вся творя дондеже нас на небо возвел еси, и царство Твое даровал еси будущее...» Эти слова содержат удивительную интуицию о Божественном замысле и его действии в нашем мире. А главное, они преисполнены надежды. Бог неотступно делает всё до тех пор, пока, не переборов нашу косность, равнодушие и всё мешающее нашему движению вверх, не возведет нас на небо и не дарует нам Свое будущее Царство.

Вот это богословие! Поняв это, можно ли чего-то бояться?

Иерей Александр Гумеров